

**ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
В НОВОРОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
КАФЕДРА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

Определяющим моментом отечественной науки о классической древности в последней трети XIX столетия становится поступательное оформление русского антиковедения в «полнокровную научную отрасль, служившую, по общему убеждению, фундаментом всего гуманитарного образования и гуманитарной науки» (Фролов, 1999. С.400). В этой связи интерес представляет оформление этой комплексной науки в стенах Новороссийского университета - уже в первые годы ставшего видным центром исследования северопонтийских древностей (Березин, Избаш, 2004). Тогда же начинается и чтение «официальной» для всеобщников дисциплины - греческой истории. Однако, «живые и горячие» лекции А.Г. Брикнера «сообщали различные мнения, но без окончательного вывода... что, впрочем, и понятно, так как профессор специалистом в древней истории не был», как не был эллинистом и другой преподаватель кафедры, Ф.К. Брун (Маркевич, 1890. С.198, 191) «Отдавало серьёзной наукой» и от курса Ф.И. Успенского, - «страстного византолога... кажется, смотревшего на чтение лекций как на какую-то назойливую причину, отвлекающую его от научных исследований в области своей любимой специальности» (Левитский, 1999. С.42). Его преемники, Р.Ю. Виппер и П.Н. Ардашев, также не углублялись специально в вопросы античной истории. Положение изменилось, лишь когда чтение было «поручено» специалистам-антиковедам, представителям кафедры классической филологии Э.Р. фон Штерну (1901/11) и М.И. Мандесу (1912/-) (Березин, 2001, 2002).

Показательно: именно «античники» первоначально выступили с позиций единства исторического и филологического начал на факультете. Прочным стержнем становится филологическая подготовка и практические навыки работы с источником: «...их было двое: Струве и Юргевич, - и из них только первый отличался известною долей терпимости, а Юргевич и вовсе знать не хотел о существовании чего-нибудь иного, кроме классиков, а потому с фанатической ревностью относился к занятиям его предметом»

(ИРНБУ. Ф1. Д.6650. Л.32об). Учёные значительно усилили позиции «классицизма» в университете - преподавательская деятельность (1865/70) профессора греческой словесности Ф.А. Струве удачно сочеталась с исследованием эпиграфических памятников и изучением древней топографии края (Березин, 2002б). Непосредственное руководство филологической практикой возлагалось на «младших» сотрудников кафедры - исполняющего обязанности доцента Д.П. Лебедева (1869/80) (ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1412) и преподавателя А.И. Солоникио (18.II.1872-17.VII.1873) (ГАОО. Ф.45. Оп.7. Д.41. Лл.1,8,11,18,53-54,60). В 1875 году на кафедру пришел доцент Л.Ф. Воеводский; «чтение» некоторое время «поручалось» профессорам В.Н. Юргевичу, И.В. Ягичу и Р.В. Орбинскому (1873/77), - однако, кадровая проблема была решена лишь с принятием нового Общего устава, объединившего «классическую филологию», упростившего процедуру приобретения прав приват-доцента и определившего трёхлетний стаж для получения штатной профессоры. В результате - молодое поколение антиковедов берёт руководство над бесконечными устными и письменными переводами, всевозможными «чтениями» и «интерпретациями», «разборами» и «объяснениями», студенческими рефератами и «сочинениями». С середины 80-х годов и до начала следующего столетия количество профессур по кафедре постоянно увеличивается (до четырёх), а число преподавателей достигает восьми (!) человек.

Мы прослеживаем и другую тенденцию - «представительства» на кафедре двух ведущих направлений в русском антиковедении: историко-филологического и культурно-исторического. Так, ученики профессора Ф.Ф. Соколова, А.В. Никитский и С.А. Селиванов (1885/97;1896/04) устанавливают традицию «чтений со студентами важнейших для истории надписей собственной Эллады» и «введений в эпиграфику» - оба учёных получили практические навыки работы в Греции, а непосредственным результатом их исследований стали основанные на авторском материале публикации (Березин, 2003). Не меньший авторитет приобретает и второе направление, представленное учеником К.Я. Люгебиля Л.Ф. Воеводским (1875/98), подвергнувшим всестороннему анализу методами смежных дисциплин древнейший период греческой истории (Березин, 2000). В «культурно-историческом» ключе выдержаны и работы «харьковского» профессора А.Н. Деревецкого (1894/05) -

видного деятеля народного просвещения, жизнь и творчество которого только недавно стали предметом исследования (Урсу, 1999; Непомнящий, 1999; Левицкая, 2000; Березин, 2000б, 2001б, 2004).

Более трёх десятилетий (1884/11) в Одессе работал Э.Р. фон Штерн - «один из самых выдающихся ученых-классиков, чьи научные интересы простирались на все области античной истории - греческую, римскую и причерноморскую, а занятия отличались сочетанием работы историка, археолога и искусствоведа» (Фролов, 2000. С. 15). Непосредственными «продолжателями» исследования северопричерноморских древностей стали Б.В. Фармаковский и М.Ф. Болтенко; к числу его учеников принадлежат «исследователь греческой исторической традиции» М.И. Мандес и «знаток греческих религиозных представлений и верований» Е.Г. Кагаров, оба - в своё время (с 1894/ и 1911/12) преподававшие в Новороссийском университете. Архивные документы позволяют более полно осветить историю создания «одесской школы» профессора Э.Р. фон Штерна.

«Старший» из его учеников (родился 31.I.1866), двадцатилетний турецко-подданный Михаил Мандес подаёт прошение о зачислении его в Новороссийский университет для изучения юриспруденции, но через пять лет мы встречаем его фамилию уже в списках студентов, сдавших VIII-й семестр историко-филологического факультета (ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1867; Оп.12. Д.494). Готовясь к магистерским экзаменам по классической филологии, после долгой беседы с профессором Ф.Е. Коршем (не отличавшемся особым желанием общаться по-дружески со студентами), молодому учёному открылась вся «ширина данной специальности», о которой он и не подозревал: «...это был жестокий и суровый, но необходимый урок» (Мандес, 1915). Но не последний для сына приказчика (ГАОО. Ф.Р-1593. Оп.1. Д.210. Л.4), даже и заручившегося «обещанием содействия» и «влиятельной поддержкой» И.В. Помяловского (РОРНБ. Ф.608. Д.984). Здесь мы наблюдаем первое «руководство» профессора судьбой своего ученика (РОРНБ. Ф.608. Д.1450): «...по моему предложению факультет ходатайствовал об его оставлении при университете, но министерство на это не согласилось, несмотря на то, что господин Мандес уже тогда принял православие. [...] Между тем [он] успешно сдал магистерский экзамен и факультет постановил в виду блестящих результатов этого экзамена и

весьма выдающихся сведений, обнаруженный Мандесом как на испытании, так и в конкурсной работе» - ходатайствовать о его заграничной командировке с вознаграждением в 1200 рублей в год и «поручить декану лично везти это дело в С.-Петербург...» Но болезнь В.К. Надлера не способствовала быстрому разрешению дела и, как секретарь факультета, и «как лицо, с самого начала заинтересованное дальнейшей судьбой Мандеса», Э.Р. фон Штерн «беспокоит просьбой»: «...нельзя ли будет узнать, в чём остановка [«спеша присовокупить»] что «формальное препятствие, выставленное прежде министерством, ныне более не существует, [- он] принят в число русских подданных и недавно приведён был к присяге». В результате, только 15.VI.1894 последовало разрешение попечителя на проведение занятий в университете в должности приват-доцента. Курсы были объявлены, но прочитаны не были - 20 сентября учёный отправляется в командировку за границу (ГАОО. Ф. Р-1593. Оп.1. Д.210 .Л.4), и с 1897/98 учебного года приступает к работе на кафедре.

Ранее мы уже рассматривали биографию и научное наследие М.И. Мандеса (Березин, Избаш, 1997; Березин, 2000), однако, некоторые моменты не получили полного раскрытия. Так, 15.XII.1915 он становится «старшим ассистентом», 20.XI.1919 - экстраординарным профессором. Однако, ещё 3.IX.1918 он был «подвергнут испытанию на замещение профессуры по кафедре классической филологии»: при восьми голосах «за» и одном воздержавшемся, один голос был «против» - голос его коллеги по кафедре, профессора Б.В. Варнеке (причём последний должен был «предоставить о своём отказе мотивированное заявление») (ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1466. Л.11-11об). Возможно, объяснение содержит личная переписка Б.В. Варнеке, в конце 1909 года сообщавшего Э.Р. фон Штерну что «главнейшей причиной, заставляющей меня желать переезда на юг, является тяжёлая и хроническая болезнь жены, которая, как уроженка Киева, не переносит климата Казани» (ИРНБУ. Ф. V. Д.2234). В начале 1912 года мнение учёного изменилось: «в Одессе я устроился великолепно. В университете, кроме ординатуры, я имею ещё поручение по истории Рима, да на женских курсах, где я состою деканом, я читаю ещё восемь лекций. Разве могу я в Киеве, при обилии у Вас профессоров, рассчитывать на такой заработок? [...] С товарищами по факультету у меня наилучшие от-

ношения и это тоже заставляет меня стыдиться уйти из Одессы только на столь же хорошие условия» (ИРНБУ. Ф.1. Д.9757). А через два года (ИРНБУ. Ф.1. Д.9758). Б.В. Варнеке «...уже избаловался. Здесь я *хозяин кафедры (курсив наш - С.Б.)* а в Киеве при таких крупных профессорах, как Ю.А. [Кулаковский] и сотни гораздо более заслуженных перед наукой и знающих, я, конечно, должен был бы перейти на дьяконское положение, а это не интересно...» - не в этом ли ответ на вопрос, почему доктор греческой словесности М.И. Мандес не получил *ординарную* профессию в Новороссийском университете?

Не меньший интерес представляет и биография «кавказского стипендиата» Е.Г. Кагарова (ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1324), по предложению Э.Р. фон Штерна оставленного (с 15.VI.1906) на два года при Новороссийском университете для подготовки к профессорскому званию (Л.1-7). Его отчёты о занятиях за границей были признаны удовлетворительными, два из них «удостоились особенно высокой оценки», а один - был признан «выдающимся»; магистерские экзамены и прочтённые пробные лекции «обнаружили его солидные научные познания и хорошие лекторские способности, почему решение факультета о принятии Кагарова было принято единогласно» - и вскоре он становится (21.VI.1911) приват-доцентом кафедры классической филологии (Л.65,71,85). Он объявляет «объяснение» Фукидида и чтение рекомендованного для классического отделения курса по античным сакральным древностям, но... с 12 декабря 1911 года приват-доцент Е.Г. Кагаров был «перемещён» в той же должности в Харьковский университет (Л.78-80,85-86об). Мы полагаем и небезынтересными для истории «одесской школы» сведениями, содержащимися в личной переписке Е.Г. Кагарова и Э.Р. фон Штерна (ИРНБУ. Ф.V. Д.2331-2341), однако эта информация ещё требует уточнения.

Подводя итог, отметим актуальность дальнейшей разработки вопросов истории оформления антиковедных дисциплин в Новороссийском университете, и в целом - развития науки о «классической древности» в последней трети XIX века - начале XX столетия. В этой связи несомненный интерес представляет деятельность «одесских учёных», профессоров и преподавателей кафедры классической филологии.

Литература:

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И.Вернадского:

Ф.1. (основной). Д.6650. Афанасьев Г.Е. «Что-то вроде чего-то» / дневник. 42л.

Ф.1. Д.9757. Письмо Варнеке Б.В. к Ардашеву П.Н. 4.II.1912. 2л.

Ф.1. Д.9758. Письмо Варнеке Б.В. к Ардашеву П.Н. 16.I.1914. 5л.

Ф.V. (Одесское общество истории и древностей). Д.2234. Письмо Варнеке Б.В. к Штерну Э.Р. 19.XI.1909. 1л.

Ф.V. Д.2331-2341. Письма Кагарова Е.Г. к Штерну Э.Р. 1905(?); 1909-1911. 10л.

Рукописный отдел Российской национальной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина:

Ф.608. (Помяловский И.В.). Оп.1. Д.984. Письма Мандеса М.И. к Помяловскому И.В. 28.IX(5.X)1891, 26.III.1892. 2л.

Ф.608. Оп.1. Д.1450. Письмо Штерна Э.Р. к Помяловскому И.В. 26.XII.1893. 6 л.

Государственный архив Одесской области:

Ф.45. (Новороссийский университет). Оп.4. Д.1324. Личное дело Е.Г.Кагарова. 88л.

Ф.45. Оп.4. Д.1412. Формулярный список о службе исполняющего должность доцента Императорского Новороссийского университета коллежского советника Лебедева (1874). 9 л.

Ф.45. Оп.4. Д.1466. Личное дело Мандеса [М.И.]. 17 л.

Ф.45. Оп.4. Д.1867. Прощение о зачислении в студенты юридического факультета от турецко-подданного Михаила Мандеса. 15 июля 1886 г. Л. 170.

Ф.45. Оп.4. Д.2601. Переписка декана историко-филологического факультета (1894). 72 л.

Ф.45. Оп.7. Д.41. Дело о приват-доцентах Императорского Новороссийского университета Солоникии и Армфельде (1871-1873). 62 л.

Ф.45. Оп.12. Д.494. [список студентов сдавших VIII семестр]. 3.VI.1891. Л.1.

Ф.р-1593.(Институт Народного образования). Оп.1. Д.210. Личное дело М.И. Мандеса. 22л.

Березин С.Е., Избаш Т.А.: М.И.Мандес: историк, филолог, искусствовед (по материалам фондов Государственного архива Одесской области) // Записки историчного факультету. Вип.VII. Одеса,1998. С. 152-157; Изучение античных памятников Северного Причерноморья в первые десятилетия деятельности Новороссийского университета // Borysthenika. Николаев, 2004. С.66-72.

Березин С.Е.: Античная история в Новороссийском университете: про-

фессор Леопольд Францевич Воеводский // Записки історичного факультету. Вип.Х. Одеса, 2000. С.59-65; Биографии историков - профессоров и преподавателей Новороссийского университета (по материалам фондов Государственного архива Одесской области) // «Архів. Документ. Історія. Сучасність». Одеса, 2000б. С. 266-269; Кафедра всесвітньої історії в структурі історико-філологічного факультету Новоросійського університету: 1866-1916 рр. // Записки історичного факультету. Вип. XI. Одеса, 2001. С. 332 - 338; Крымский период жизни профессора А.Н. Деревницкого // «Музей.Історія.Одеса». Одеса, 2001б. С. 147-148; Проблеми всесвітньої історії в науково-дослідницькій та педагогічній діяльності професорів і викладачів Новоросійського університету: основні напрямки // Записки історичного факультету. Вип.XII. Одеса, 2002. С.290-300; Новые материалы к биографии Ф.А. Струве // Археологія та етнологія Східної Європи: крок молоді у XXI століття. Одеса, 2002б. С.38-41; Греческая эпиграфика в Императорском Новороссийском университете: исследование и преподавание // «Древнее Причерноморье». V-е Чтения памяти профессора П.О. Карышковского (2001). Одесса, 2003. С.18-22; А.Н. Деревницкий (опыт научной биографистики) // «Памятники Южного берега Крыма: вчера, сегодня, завтра» (2002) Ялта, 2004. С. 100-106.

Левитский А. Из студенческих воспоминаний (памяти А.И. Кипичникова и А.И. Маркевича, профессоров Новороссийского университета) // Новороссийский университет в воспоминаниях современников / авт.-сост.Ф.А. Самойлов. Одесса,1999. С.42-43.

Левицкая З.Г. О профессоре А.Н. Деревницком, первом декане историко-филологического факультета Таврического университета // Пилигримы Крыма. 2000. Т.1. С. 107-111.

Мандес М.И. Памяти Ф.Е.Корша // Одесский листок. 1915. - №50. 21 февраля. С.5.

Маркевич А.И. Двадцатипятилетие Императорского Новороссийского университета. Историческая записка и академические списки. Одесса, 1890. VII+733+LXXXIVс.

Непомнящий А.А. Слово о первом декане (А.Н. Деревницкий) // Учёные записки Таврического национального университета. №12. Т.1. С. 118-123.

Урсу Д.П. Перший декан // Кримська світлиця. 1999, 24 вересня.

Фролов Э.Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. 544с.; Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон Штерн (1859-1924) // Публикации Центра антиковедения СПбГУ - <http://www.centant.spb.ru>,2000. (19с.)

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОСМАНСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ ЧЕТАТЯ АЛБЭ

Южные приморские города - Кила (Килия) и особенно Аспроскастро (Четатя Албэ, Белгород) - играли исключительную роль в экономике и политической истории средневекового Молдавского княжества в эпоху его наивысшего расцвета в XV веке (Iorga, 1899. P.13-14). Города эти играли роль «морских ворот» Молдовы, через которые шла львиная доля собственно молдавской, а также транзитной торговли княжества.

Белгород-Аспроскастро стал значительным торговым центром еще в золотоордынскую эпоху. Уже тогда весомую, если не основную роль в его торговой активности играла транзитная торговля зерном, производившимся во владениях Королевства Польского и Великого княжества Литовского и продававшимся на южноевропейских рынках, в Испании и Италии (Русев, 1999. С.67, 73). После подчинения южных городов и всего региона Молдавии эта торговля заметно возросла. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что небольшое княжество, окруженное агрессивными соседями, вынуждено было признать вассальную зависимость от Польши - дабы избежать как венгерской и турецкой угроз, так и прямой аннексии Польшей. Этот акт существенно активизировал экономические связи Молдовы с северным соседом.

Белгород становится главным портом страны, через который проходит вообще почти весь ее экспорт. Такое положение фиксируется уже в последней четверти XIV века, когда появляется самый термин «молдавский шлях» (Via valachica), обозначавший транзитную дорогу от Львова до Четатя Албэ. С 1380-х гг. фактическим монополистом всей польско-молдавской торговли и зернового экспорта-транзита в особенности, постепенно становится львовское купечество. К концу «молдавского века» истории города, по привилегии 1475 года, дарованной господарем Штефаном чэл Марэ, львовская купеческая гильдия официально монополизировала зерновой транзит через Молдову (Подградская, 1974. С.298-307). Морскими монополистами зерноторговли, принимавшими в Четатя Албэ товар у львовских коллег и развозившими его по Европе,